

СИМВОЛИКА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ ДИМИТРА ТОМОВА «ПУТИ-ДОРОГИ»

Ключевой символ, определяющий внешнюю композицию и внутреннюю логику книги рассказов современного болгарского прозаика Димитра Томова, задан заглавием сборника. Как всякий символ, этот образ многозначен и обростает по мере разворачивания текста все новыми и новыми ответвлениями смысла. Это и перемещения персонажей в пространстве, и путешествия памяти рассказчика в глубины национальной истории, и маршруты современной геополитики, и житейские истории, связанные, например, с поездкой на рынок или с посещением школы.

Однако символические мерцания заглавного образа инспирированы прежде всего движением авторских эмоций – от легкокрылой радости встреч с многоцветьем людской талантливости до пронзительной печали расставаний с тем, что дорого, но, увы, не вечно. Все эти всполохи чувств оркеструют главную этическую мелодию книги – мелодию соучастия и сострадания. Эпизодические наплывы публицистического сарказма (обращенного, как правило, в адрес политиков прошлого и настоящего) и лирической иронии (подсвечивающей разговор о симпатичных автору людях) не заглушают этой постепенно крепнущей ноты сопереживания.

Речь идет о радостях и скорбях болгарских соплеменников автора, к каким бы поколениям и этнокультурным типам они ни принадлежали: кругу софийских интеллектуалов конца XX века или когорте повстанцев-четников периода борьбы с османскими завоевателями, племени цыган-ромов или обитателям современной болгарской глубинки. В этом отношении Димитр Томов традиционалист: классическая ясность нравственных ориентиров – одна из замечательных особенностей этой книги. Однако ее жанровую оснастку никак не назовешь традиционной. Она, эта книга, могла бы отлиться в форму романа, да по существу и является своего рода «стилевым путешествием» к этому жанру, приводя на память лирическую формулировку одного из лучших романистов русской эмиграции Гайто Газданова: «Роман – это движение чувств».

Хотя в формальном отношении проза Димитра Томова, собранная в книге, являет собой своего рода вязанку новеллистических циклов, и хотя рассказчик периодически примеряет разные повествовательные маски (он то внук цыгана деда Инко, то столичный историк Апостол Апостолов, то занимает скромную позицию анонимного наблюдателя), в ней есть неразложимое нравственно-психологическое ядро, образуемое постепенно проступающей в тексте личностью автора.

Избегая нарочитых сюжетных обострений и панибратских заигрываний с читателем, Димитр Томов не стремится создать имидж писателя-забавника «для всех» или, напротив, скептика-интеллектуала «для немногих». Его позиция – позиция ненавязчивого собеседника с близкими ему людьми,

человека, едва ли не стесняющегося своей принадлежности к писательскому сообществу с его «нобелевскими» амбициями и «ревнительной» завистью к репутациям предшественников и тем более современников. Кажется, высшей (пусть и отдающей легкой самоиронией) оценкой своего дела автор считает мнение старейшины цыганского табора Инко: «Этот парень, внук деда Томы, все правильно описал...» [1, с. 27].

Разумеется, внешнее жизнеподобие и фактологическая «правильность» – далеко не бесспорные критерии художественной убедительности. «Правда» Димитра Томова скорее лирической, чем эпической природы, и она неотделима от персонального взгляда писателя на историю и современность его народа – народа, сыгравшего столь заметную роль в развитии славянской письменности, но, по горькой оценке автора, все еще не переболевшего «заразой национальной безлитературщины» [1, с. 90]. Устами легендарного борца Дано Колова автор пытается обозначить одну из главных болевых точек национальной ментальности: «Человек рождается один и умирает один. Трудность в том, как не быть одному в отрезке времени между началом и концом пути. А у нас весь народ – одинокий. И все наши несчастья оттого, что мы – одинокий народ из одиноких людей» [1, с. 97].

«Одинокий народ» – образ логически противоречий, оксюморонный, но в нем есть та «неудобная» личностная правда, дефицит которой одинаково ощутим в былой социалистической риторике и нынешней «политкорректной» юридической казуистике «еврокомиссаров». «Путь в Европу» для народов Балкан в книге Томова не случайно оттенен серией иносказательных сюжетных миниатюр. В рассказе «Путь к Бриджит Бардо» отправленная в «приют для медведей на пенсии» медведица, прежде плясавшая на ярмарках «на потеху публике», предпочитает гарантированной кормежке в комфортабельном загоне побег к своему прежнему хозяину. В другой полной скрытого лукавства «жизнеподобной притче» рассказано о переселении одного из отпрысков деда Инко (и тоже носящего имя Инко) в Америку, где он благодаря своему имени становится «вождем» индейской резервации.

Вообще говоря, проза Димитра Томова – при всей ее внутренней серьезности – рассчитана на тех, кто обладает чувством языка и доверяет языковой «материи» не меньше, чем эфемерным свидетельствам конкретных жизненных обстоятельств. Сюжетная кульминация новеллы «Дорога через Балканы» образована неожиданным и пугающим открытием европейских туристов: увеселительный поход на природу с включенным в программу маскарадным «похищением» оборачивается похищением взаправдашним – с реальными, а не костюмированными бандитами и настоящим ограблением.

Однако подлинная «лирическая» пуанта новеллы – лингвистической природы. Реагируя на наивные восторги европейцев, повторяющих друг за другом английское название Балкан («Бóлканз», с ударением на первом слог), гид-переводчик вдруг осознает, что слышит знакомое с детства болгарское «болка» («боль») – только получившее благодаря английскому «грамматическому сдвигу» многоликость и общечеловеческую

масштабность. Так двуязычный каламбур проявляет не только авторское отношение к современным событиям, но и его видение исторической судьбы балканских народов.

Это видение исполнено драматизма, но все же лишено однотонной мрачности и обреченности на отчаяние. Противовесом чувствам потерянности и боли становится для автора прежде всего память о «сотрясениях любви»: в одноименной новелле связывающая двух людей страсть пусть на мгновение, но перекрывает своей силой тектонические движения земной коры, так что самописцы сейсмографа, фиксирующие «содрогания огромного земного шара», не выдерживают «вибраций любви» и выходят из строя.

Димитру Томову вообще присуще умение соотносить крупный план с общим, движения человеческой души – с «контурными картами» земного пространства. Сама география Болгарии становится в его прозе образным шифром для выражения устремлений духа, а геологический профиль родной земли с ее контрастами горных вершин и пропастей будто отпечатывается в психологическом «рельефе» человека.

Вкус автора к экспрессивным психологическим антитезам особенно заметно проявляется в двух трагических по звучанию рассказах последнего цикла книги, в которых русскоязычный читатель, возможно, расслышит тематические и образные переклички с прозой Л. Андреева. Речь в этих рассказах идет об экзистенциальной цене предательства, о «перевертышах» добра и зла, неслучайно центральными фигурами эпических композиций оказываются «вечные» образы сына, отца и матери. Присущее автору богатство речевых модуляций здесь сознательно отменяется: речь анонимного повествователя сдержанна и аскетична, сам повествовательный поток будто управляется стремлением к затуханию звука, чтобы на последней странице книги – в скорбной тишине – прозвучали последние слова матери-плакальщицы.

На другом стилевом полюсе прозы Димитра Томова – речевое балагурство рассказчика первого цикла книги – цикла «Табор в бесконечном пути». Здесь остроактуальная проблематика, связанная с судьбоносным для Болгарии вхождением в состав Евросоюза, осмысливается с позиций самого неукорененного в социально-политическом пространстве вселенной этноса, а потому на первый план выходят не скучные политико-юридические и экономические подробности, а вечно живой карнавал человеческих амбиций и тревог. Именно в этом цикле автор дает волю своей художественной фантазии, насыщая событийную основу рассказов «кривыми зеркалами» слухов и преданий, пересудов и догадок. Неискоренимые свойства цыганской души в столкновении с конъюнктурными требованиями европейских «циркуляров» вызывают к жизни поток забавных происшествий: реальность будто отказывается двигаться по умозрительным прямым дорогам, а пространство абсурдно искривляется.

Как бы ни менялась политическая карта Европы, показывает автор, душа человека радостно обречена руководствоваться не светофорами

европейских автобанов, а неотменяемым «расписанием» небесных светил – этих зримых «гарантов» того, что ночь есть ночь, а день есть день. Так или иначе, написанная в эпоху глобальной социально-исторической перекройки мира проза Томова обращена все-таки к «путям небесным», хотя его персонажи – наши современники – неумоимо путешествуют по земным маршрутам. Вряд ли случайно портреты самых близких автору людей спроецированы не на современный городской пейзаж, а на картину звездной ночи или на торжественное зрелище игры света и тьмы. Вот лаконичная портретная зарисовка деда Тома: «В его зрачках закатывалось вечернее солнце, оно уменьшилось до двух капель росы, и они будто мерцали в глубине дедовых глаз, утонувших в орбитах старости, как в колодце» [1, с. 21].

Возвращаясь к заглавию книги Димитра Томова, стоит отметить, что оригинальное болгарское его звучание – «Пътища» – означает собирательное множество всех дорог. В русском языке нет абсолютного смыслового аналога этого слова, но читатель, несомненно, почувствует, как и почему ветвящееся множество историй Томова сходятся в перекрестье единого слова-символа.

Литература

1. Томов Д. Пути-дороги: Рассказы. Пер. с болгарского Н. Нанкиновой и Т. Митевой. София, 2007.